

РАЗГОВОР В ОТСУТСТВИЕ ДИАЛОГА: А. ПЯТИГОРСКИЙ

Регина Чичинская

Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии

В этой статье речь пойдет о мыслителе, имеющем прямое отношение к философии, филологии и художественной литературе¹. Предвосхищая вопрос, который может возникнуть – почему о философе говорится как о мыслителе, всего лишь «имеющем отношение» к философии, поясню этот псевдоказус. Семантику понятия «философ» Александр Пятигорский толковал как дизъюнктивную

логическую оппозицию, усматривая здесь два взаимоисключающих смысла, находящихся в отношениях дополнительной дистрибуции: философ как представитель философской науки и философ – как человек, не привязанный в своем философствовании «о чем угодно» к какой бы то ни было институализации, потому что быть философом для него значило иметь соответствующий образ мышления и вести соответствующий образ жизни². Не так уж трудно заметить, что такого рода позиционирование имеет прямое отношение к риторике, в том смысле, что рассчитано оно на активную мысленную или «словоизвержительную» реакцию, прежде всего, со стороны интеллектуалов, числящих себя по ведомству философии как науки. И такого рода заявлений, высказываемых, иногда даже выкрикиваемых оратором А. Пятигорским в категори-

¹ «Александр Моисеевич Пятигорский – выдающаяся фигура настоящей, недогматической философской мысли в нашей стране. Он начинал как ученый-востоковед, работая в Институте востоковедения АН СССР, автор (совместно с Рудиным) «Тамильско-русского словаря», «Материалов по истории индийской философии». Он читал лекции в Тартуском университете, куда приехал по приглашению Юрия Лотмана. Работал с Мерабом Мамардашвили – в соавторстве ими написана книга «Символ и сознание». «Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке» (1982), о началах теории сознания («метатеории сознания», как говорил Мераб Мамардашвили) с использованием как западного, так и восточного философского инструментария. В 1974 году Пятигорский уехал в Лондон, где занимается исследованием буддизма, мифологии, философствованием, пишет прозу. В 1989 г. вышел его философский роман «Философия одного переулка». За ним были написаны: «Вспомнишь странного человека...», «Рассказы и сны», «Древний Человек в Городе». – Комментарий Полит.ру. к: А. Пятигорский, *Мифология и сознание современного человека* (лекция), <http://www.polit.ru/lectures/2006/03/02/pjatigorsky.html>

² Свою лекцию «Мифология и сознание современного человека» А. Пятигорский предваряет такой оговоркой: «Начинаю с пары банальностей по поводу философа. Профессии такой нет. Есть образ мышления и образ жизни. Образ мышления – непрофессиональный в строго предметном смысле этого слова. Потому что объектом философствования философа может быть что угодно». – Там же.

ческой форме, множество. Отнюдь не случайно они появляются в его статьях, а особенно в интервью и публичных лекциях, которые в последние десятилетия жизни мыслителя-номада, довольно часто путешествовавшего из Великобритании в Россию и обратно, сложились в масс-медийный жанр, предназначение которого заключается в популяризации философских идей.

Публичные выступления являются объектом риторики, поэтому целью данной статьи является анализ риторической (но не формальной, а содержательной) составляющей в категорических заявлениях А. Пятигорского, небезынтересных и для филолога, растиражированных (в данном случае этому слову не придается негативная оценочная коннотация, а лишь констатируется факт) им, прежде всего, в интервью и публичных лекциях. По ходу дела хотелось бы обратить внимание на два существенных для филолога момента, вытекающих из обсуждаемого вопроса. Первый момент связан с выяснением того, насколько философские идеи, особенно когда они представлены в имеющей прямое отношение к филологическому дискурсу риторической форме, востребованы филологами. Под востребованностью подразумевается активное восприятие философской мысли, понятия (концепта), а также проблематизация или, по крайней мере, учет **отрефлексированных** (маркированное для А. Пятигорского слово) философом рассуждений, ставших оригинальными мыслями, в филологическом контексте. Второй момент касается готовности филолога не только услышать *громкоговорящего* фи-

лософа и понять, о чем он «витиевато разглагольствует», но и следовать его **заветам** (маркированное слово в контексте моих размышлений о А. Пятигорском), особенно, когда философ внезапно обрывает свою речь, потому что уходит навсегда.

Я незаметно перешла от *мыслителя к философу*, и это, конечно, не случайно. Умерший в прошлом году А. Пятигорский был, прежде всего, философом в том расхожем смысле, в каком обычно употребляется это слово гуманитариями – специалистом в сфере философии, т. е. науки, исследующей законы бытия, мышления, сознания и познания. Философия была его профессией, он занимался академической деятельностью, писал научные философские труды, именно поэтому его приглашали читать лекции и брали у него интервью. Что касается его заверений в том, что философия не является профессиональной деятельностью, это, конечно, риторический прием, известный с тех пор как его ввели в обиход русские формалисты-опоязовцы. Речь идет об остранении, «панприеме», в использовании которого содержится инвариантный смысл, который можно эксплицировать следующим образом: обрати внимание на то, что я говорю, посмотри на предмет, мною обсуждаемый, не зашоренными инерцией мышления глазами; *узри* (увидь) новыми глазами, а не узнай то, что и так знаешь. А. Пятигорский любит не просто прием, который еще надо обнаружить, а обнаженный прием, иллюстрацией которого может служить ставшее классикой и вошедшее даже в некрологи, посвященные философу (хотя это зву-

чит кощунственно), высказывание о России: «Пятигорский тихо, задумчиво: “Главная особенность России – не воровство, не коррупция, не глупость, не злоба...” Переходя на еле слышное бормотание: “Не хамство, не тщеславие, не невежество... Главная особенность России... – вдруг переходит на крик: ЭТО ХУЙНЯ! ВСЯКАЯ ХУЙНЯ!!!”»³.

В качестве объекта анализа я выбрала один из категорических постулатов А. Пятигорского: «главное – это разговор». В своей книге с симптоматичным названием «Непрекращаемый разговор», а также в многочисленных интервью и публичных лекциях Пятигорский с невероятной риторической страстью обрушивается на понятие «диалога», с не меньшим рвением отстаивая превосходство такого, по преимуществу устного, коммуникативного жанра, каким представляется разговор. Философ отрицает продуктивность жанра диалога при обсуждении философских и, шире, гуманитарных вопросов, не желает использовать этот термин и просит своих собеседников не употреблять этого слова в интервью с ним⁴. Это опять же ри-

торический прием, суть которого – доведение до абсурда логики применения понятия, ставшего проходным, давно потерявшим свой смысл клише, применимым ко всем удобным для пользователя случаям «жизни». Для дискредитации ставшего одиозным диалога философ прибегает даже к гротескной визуализации. Так, во вступительной статье к книге «Непрекращаемый разговор», Пятигорский создает такие *образы ощущения визуального ряда*, которые

---

publicdoc/2007/602; а также в интервью, данным Дм. Петрову и Н. Матусевич: «**Александр Пятигорский:** Я участвую в одном постоянном симпозиуме. Его члены договорились не использовать некоторые слова. В частности, слово «диалог». Его слишком часто повторяют. Оно настолько стерлось, что потеряло подлинный смысл. Некоторые слова теряют смысл от неупотребления. А вот именно «диалог» потеряло его от слишком активного употребления...

Вопрос: Но каково это утраченное значение? **Александр Пятигорский:** Слово диалог принадлежит европейской классической традиции. Но своим подлинным смыслом оно было наделено в древности. Хотя и тогда – в Греции времен Платона и Сократа – этот смысл был далеко не простым. Представьте себе, вот юноши из гимназиума беседуют о том, кем бы сейчас лучше заняться – девочками или мальчиками. Но их разговор отнюдь не является диалогом. Диалог – это когда есть кто-то третий, а скорее – первый, без кого действительно содержательный разговор двух других невозможен. Но кто этот – первый? Сократ. Без Сократа они бы так и говорили о девочках или, что много хуже, обсуждали бы, когда начинать войну со Спартой. И это был бы не диалог. <...> **Вопрос:** Итак, термин «диалог» утратил свое подлинное содержание, поскольку исчезла онтологическая почва? **Александр Пятигорский:** Точно. Ушла почва. Ушел Сократ. Ушло слово, «логос» – основное. Более того, когда есть диалог, вырастающий из онтологической почвы – из Сократа, даже если вы начнете говорить о полной ерунде, за вами будет стоять вложенное им содержание. И будут иметь смысл и речь, и тема. Да, смысл невозможно создать на бегу. Но он уже есть, он уже создан им Другим. А если этого нет... Дискуссия, беседа, интервью получаются бессмысленными». – «Александр Пятигорский: ожидание неожиданного», *Со-Общение*, 2002, № 10, <http://www.soob.ru/n/2004/10/1/3>

³ См.: анонимные авторы в Интернете: <http://viperson.ru/wind.php?ID=625170&soch=1>, то же <http://lj.rossia.org/users/plucer/193311.html>

⁴ См., напр., в интервью, данным А. Нилогову: «**Русский журнал:** Я заметил, что на лекциях диалог с аудиторией не является для вас чем-то важным. Вы часто используете слушающих в качестве неодушевленных предметов, к которым обращаетесь как к каким-то ширмам. Ваша лекционная форма переклещивает обратную связь, диалог с аудиторией. **Александр Пятигорский:** Дело в том, что понятие диалога является самым оглуляющим в философии с конца XIX века, служа своего рода коммуникационной затычкой. – «Я гедонист, а не нарциссист! Интервью с Александром Пятигорским», *Русский журнал*, 21.02.2007, <http://gtmarket.ru/laboratory/>

обычно используются в медитативных техниках буддизма⁵ – только с одной поправкой: здесь картинки «вялотекущей шизофрении»⁶ представлены как образы ощущения, противопоказанные медитативной практике.

С первого взгляда острота реакции философа на употребление расхожего термина «диалог» кажется явно преувеличенной. Мало того, как выясняется, альтернативный диалогу концепт «разговор» появился спонтанно и, следовательно, случайно. Об этом свидетельствует автор самой, пожалуй, со-

---

⁵ «Образы ощущения визуального ряда – все те же картинки и символы, сюжеты, которые возникают в нашем сознании как ощущения видения, но при этом главный аспект в виде зрительного образа отсутствует. Именно поэтому понятие и имеет название «ощущение визуального ряда», указывающее на то, что человек лишь чувствует, но не видит картинку-образ». – «Что такое Визуализация?», <http://www.sunhome.ru/magic/12856>

⁶ «<...> сейчас, когда одержимость диалогом уже прошла свою острую шизофреническую фазу – ведь мы еще помним “Диалог Запада с Востоком”, “Диалог палача с его жертвой”, “диалог двух экономических систем” и “диалог добра со злом” – и недолеченные пациенты доживают свой век в палате для хроников – стало совершенно очевидным полное отсутствие мыслительного содержания в понятии диалога. Он давно перестал быть местом, где случается мышление. И это прежде всего потому, что его “субъекты”, индивидуальные или собирательные, конкретные или абстрактные, действительные или воображаемые, уже давно не говорят своим языком, языком своего мышления. Наш разговор – не диалог, в фокусе его объективной интенциональности – не создание общего для тебя и меня языка, не установление приятного для обеих сторон взаимопонимания (я думаю, что упорное стремление к взаимопониманию, так же как и сильная склонность к единодушию, по симптоматике ближе всего к “вялотекущей шизофрении”, открытой в 1960-х годах профессором Снежневским)». – А. Пятигорский, «Непрекращаемый разговор», А. Пятигорский, *Непрекращаемый разговор*, С.-Петербург: «Азбука-классика», 2004, с. 10-11. Далее ссылки см. в тексте, с указанием номера страницы в круглых скобках после цитаты.

держательной публикации, посвященной памяти Учителя, Арнис Ритупс⁷. Однако то содержательное наполнение, которое содержится в процитированном А. Ритупсом высказывании Роберта Брандома, оказалось столь востребованным Пятигорским, наверное, потому, что оно в момент разговора понадобилось для заполнения того «места, в котором случается мышление». «То место» – это сознание, в данном случае – сознание философа. Скорее всего, оброненная фраза о том, что американский философ Роберт Брандом больше всего на свете боится прекращения разговора, породила в сознании Пятигорского ряд образов ощущения визуального ряда, только на этот раз со знаком плюс. Во-первых, жанр разговора не требует отказа от субъективной модальности: в конкретном случае с Брандомом речь идет о модальности страха. «А что же на свете субъективнее страха?», – вопрошает А. Пятигорский в «Непрекращаемом разговоре?» (с. 7). Отказ от объективности заключает в себе парадокс, потому что именно субъективность, как условие возможности «пробытия в разговоре», вынуждает

---

⁷ «Как-то осенью 2003 года я процитировал американского философа Роберта Брандома, сказавшего, что больше всего он боится “прекращения разговора”. Эта идея так понравилась Пятигорскому, что, к моему удивлению, через пару часов у него уже был готов набросок статьи под названием “Непрекращаемый разговор”, а на следующий год в Санкт-Петербурге под таким же названием вышла его книга, собравшая несколько ранее опубликованных работ» (речь идет о книге «Непрекращаемый разговор», где, кстати, фамилия философа Brandom по-русски передается как Брандом – транслитерируется.– Р.Ч.) – А. Ритупс, «Главное, чтобы было интересно», *Новое литературное обозрение*, № 101 (2010), <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/101/ri.15.html>

отказаться от своего «я» и считать сознание местом, где случается мышление: в нужное время мысль спонтанно оказывается в нужном месте – в данном случае этим местом оказалось сознание философа. Эту мысль о страхе, который вызван возможным прекращением разговора, мыслитель должен отрефлексировать, а тогда уже говорить об этом как о рациональном зерне мысли.

Разговор спонтанен, а диалог преднамерен, или, в терминах М. Бахтина – разговор задан, в то время как диалог дан. Как утверждает А. Пятигорский, предпосылкой диалога должно быть некое онтологическое основание⁸. Означает ли это, что разговор «онтологической почвы» не предполагает? Иногда предполагает, иногда – нет. Пятигорский предполагает, что мыслить можно о чем угодно, но это «что угодно» имеет отношение к сущему в том случае, когда оно проработано сознанием, на языке философа – отрефлексировано. Казалось бы, онтологическая составляющая как диалога, так и разговора та же, но это не так. Сущее, делающее диалог осмысленным, остается за кадром. Предполагается, что собеседники знают о главном, поэтому и могут прийти к консенсусу. Так мыслят философы-диалогисты, например И. Левинас или М. Бубер. Для них, как известно, онтологической предпосылкой диало-

га является Бог, поэтому диалог в их представлении предполагает знание его участниками того, что они находятся под наблюдением «всевидящего ока». Это заведомо стесняет свободу участников диалога, так как их мышление ограничено тем, что им уже известно. Ведущие же разговор не используют рамочной конструкции и даже не подозревают о том, что такие рамки есть, поэтому они постоянно рискуют оказаться в «минном поле» неведомого. **Мышление – это риск.** Вот первый завет философа, к которому должен прислушаться филолог, обычно предпочитающий проторенную философами тропу диалога «минному полю» разговора.

Еще одна очень нетривиальная мысль А. Пятигорского: знание не этично, этично мышление. В диалоге происходит обмен знаниями, почерпнутыми из различных источников, и именно знание здесь наделено этичностью, вернее, носители знания должны вести себя согласно принятым в цивилизованном обществе нормам этики. По мнению Пятигорского, именно мышление, которое только и может «случиться» в непреднамеренном, не заданном никакими пресуппозиционными рамками разговоре, окрашенном тонами субъективной модальности («я хочу, я могу, я ненавижу, я люблю» и т. д.), попадает в поле этики, точнее, ответственности, в силу того, что оно коннотируется субъективной модальностью («я хочу, я могу, я ненавижу, я люблю» и т. д.)⁹. Философ

⁸ См. в интервью, данном философом журналу «Со-Общение»: «Чтобы состоялась та форма коммуникации, которую следовало бы назвать диалогом, с вами должен быть кто-то, в поле мысли кого (Сократа, Платона) и возникает, собственно, диалог. Ибо это он создает онтологию разговора и сообщает диалогу классический смысл. Диалог – это разговор о сущем», <http://www.soob.ru/n/2004/10/1/3>

⁹ «[Есть один момент этики, относящийся к знанию: я не могу никого винить в том, что он чего-то не знает. Но я могу его винить в том, что он о чем-то не думает. Ведь я могу знать о чём-то, не думая

внушает (потому что высказывает это с пафосом, присущим субъективности): знание анонимно, ничье, мысль твоя, хотя ты и являешься только местом, где случается мышление. Это очень хорошо было отрефлексировано Мариной Цветаевой, утверждавшей с присущим ей высоким риторическим пафосом в эссе «Искусство при свете совести», что она готова на Страшном суде отвечать за свои поступки как человек, как все, но как поэт она не боится никакого суда¹⁰. Если рассматривать риторический пассаж поэта в рамках диалога, то первая его часть прочитывается достаточно тривиально: за свои грехи человек должен нести ответственность, и с него бу-

---

об этом ни мгновения, но могу думать о чем-то всю жизнь и не достичь знания об объекте моего думания. Знание не этично именно в силу своей «объективности», точнее, объективности своего конечного результата (сколь бы субъективен не был его процесс). Знание может быть достигнуто и чисто внешним образом – подарено, навязано, выманено, украдено, наконец. Интенция мышления всегда замкнута на самом мышлении и поэтому она по преимуществу *пассивна*. Именно поэтому, с точки зрения этики, а не только семантики, “мыслить” гораздо ближе к “хотеть” или “мочь”, чем “знать”»].» – Александр Пятигорский, *Мышление и наблюдение*, Riga: Liepnieks & Ritups, 2002, с. 158.

¹⁰ Быть человеком важнее, потому что нужнее. Врач и священник важнее поэта, потому что они у смертного одра, а не мы. Врач и священник человечески-важнее, все остальные общественно-важнее. (Важна ли сама общественность – другой вопрос, на него впрямую буду ответить только с острова.) За исключением дармоедов во всех их разновидностях – все важнее нас. И зная это, в полном разуме и твердой памяти расписавшись в этом, в не менее полном и не менее твердой утверждаю, что ни на какое другое дело своего не променяла бы. Зная большее, творю меньшее. Посему мне прощенья нет. Только с таких, как я, на Страшном суде совести и спросится. Но если есть Страшный суд слова – на нем я чиста». – М. Цветаева, «Искусство при свете совести», *М. Цветаева, Собрание сочинений в 7 т.*, Москва: ТЕРРА; «Книжная лавка – РТР», 1997, т. 5/2, с. 24-52, <http://brb.silverage.ru/zhslovo/sv/tsv/?r=proza&id=9>

дет спрошено. Но вторая часть пассажа звучит как вызов религиозной доктрине – «но если есть Страшный суд слова – на нем я чиста». Эта часть риторического кредо поэта в рамках диалогического жанра, предполагающего наличие у поэта и читателя общеизвестных, общезначимых и одинаковых для них общих этических установок, тривиально не истолковывается, потому что Цветаева «неосторожна», у нее нет установки на удобные для диалога «общие места». Она – поэт, рискующий быть непонятым и непринятым уже не как поэт, а как человек. Если же рассматривать мысль поэта именно как отрефлексированную мысль, а не как готовую диалогическую сентенцию, то есть, если «завести с ней разговор», то ее высказывание при всей его небанальности истолковывается однозначно: человек может заблуждаться, но он знает то, что знают все, поэтому и должен отвечать перед Всевышним как все, но если он не только знает (а может и не знает), но еще и мыслит, перед Всевышним он чист. Как так получается? Все дело в том, что место, где случается мышление у поэта – это его творчество. Никакого другого места у него нет. Вот за это, по убеждению М. Цветаевой, он и отвечает. Перед собой и – риторически – перед Всевышним. Риторически потому, что в мышлении Бог является такой же фигурой мысли (а когда мысль проговаривается, то и речи), как и все другие поэтические/риторические фигуры. Мышление, как следует из вышесказанного, не предполагает никаких опор, оно является чистым, голым риском.

Отсюда следует второй завет А. Пятигорского для филолога: **мышление – это не «что», а «как»**. «Что» – это знание, сфера анонимности, ничейная земля, неотрефлексированные часто мною, еще не мыслящим, содержания. Знание объективно – в контексте размышлений философа – в отрицательном смысле, не этично, ибо оно «не мое»; зная, человек ничем не рискует, а это уже **не интересно**.

Еще один завет философа, обращенный и к филологу, знающему цену слову: **разговор должен быть интересным**. Интересность напрямую связана с риском быть непонятым, неприятным, с риском прекращения разговора по разным причинам: собеседник может не захотеть продолжить разговор, оборвать его, оскорбившись. Разговор в самом интересном формате – «здесь и сейчас» – может прекратиться, потому что собеседник умер. Можно, конечно, вести разговор и с умершими, но в таком случае придется отрефлексировать мысль за двоих, а это опять же рисованно, поэтому с умершими обычно ведут диалог, он безопаснее, так как ведется с точки зрения ни к чему не обязывающей вечности – как говорили символисты, мастера такого рода диалогов – *sub specie aeternitatis*. О прекращении разговора речь еще пойдет, а сейчас остановлюсь на самом необходимом, с точки зрения Пятигорского, модусе разговора – категории интересного.

Основателем учения о категориях является, как известно, Аристотель. Если рассматривать *интересное* как категорию, т.е. как родовое понятие, то оно является категорией качества. Об «этой

комплексной категории, охватывающей практически все явления культуры», размышляет М. Эпштейн на страницах своей книги «Знак пробела: О будущем гуманитарных наук». Исследователь утверждает, что «если в прежние эпохи ценились такие качества произведения, как истинность и красота, полезность и поучительность, общественная значимость и прогрессивность, то в XX веке, и особенно к его концу, именно оценка произведения как «интересного» служит почти ритуальным вступлением ко всем его дальнейшим оценкам, в том числе критическим»¹¹. В контексте рассуждений о разговоре, как его трактует А. Пятигорский, симптоматичным является оговорка М. Эпштейна о том, что категория интересного оспаривается из-за того, что она является субъективной. Как следует из вышеизложенного, этот упрек оборачивается достоинством обсуждаемого качества, если следовать логике Пятигорского. Именно потому мыслитель и нуждается в этой категории качества, что она содержит в себе требование, как сказал бы М. Бахтин, «участного мышления», субъективной отрефлексированности мысли, только в виде интересной, т.е. ранее не встречавшейся, могущей оказаться «в том месте, где случается мышление». Диалог чаще всего неинтересен в силу того, что его предпосылки и исход предсказуем, как предсказуем ответ на риторический вопрос. М. Эпштейн углубляется не в то, что интересно для разных людей,

¹¹ М. Эпштейн, *Знак пробела: О будущем гуманитарных наук*, Москва: Новое литературное обозрение, 2004, с. 485.

а в то общее, что позволяет выделить «интересное» в отдельную категорию. Интересное вычленяется им в результате феноменологической редукции, предполагающей заключение в скобки всех конкретных интересных случаев. Как полагает М. Эпштейн, о феномене «интересного» можно говорить только при наличии следующих параметров:

1. «Игра между двумя полюсами одной модальности, возможным и невозможным, переход наименее возможного в наиболее возможное – вот что составляет феномен интересного. Так, интересность научной работы или теории обратно пропорциональна вероятности ее тезиса и прямо пропорциональна достоверности аргумента. Самая интересная теория – та, что наиболее последовательно и неопровержимо доказывает то, что наименее вероятно»¹². Сравним с заявлением А. Пятигорского: «коммуникация имеет смысл лишь тогда, когда каждый из участников процесса знает что-то, чего не знает другой. В этом основное условие ее существования. И тут огромную роль играет момент неопределенности. Если я знаю, что вы мне ответите, а вам известно, о чем я спрошу... Ничего не выйдет. Коммуникация утратит не только образовательный, но и прагматический смысл! В ней всегда должно сохраняться ожидание неожиданного»¹³.
2. «Интересность – это соотношение, образуемое дробью, в числителе

которой стоит достоверность доказательства, а в знаменателе – вероятность доказуемого. Интересность растёт по мере увеличения числителя и уменьшения знаменателя. Чем менее вероятен тезис и чем более достоверен аргумент, тем интереснее научная идея. Понятие «интерес» происходит от латинского “inter-esse”, т.е. буквально означает “быть между, в промежутке”. И в самом деле, интересно то, что находится в промежутке двух крайностей – между порядком и свободой, между достоверностью и невероятностью, между логикой и парадоксом, между системой и случаем. Стоит чему-то одному взять верх, оттеснить другое – и интерес тотчас же пропадает, заменяясь сухим уважением или вялым безразличием. Нас интересуется не просто странность или безумие, но такое безумие, в котором есть своя система, и такая идея, в которой, при рациональном зерне, есть что-то безумное, выходящее за границы здравого смысла. Перефразируя Нильса Бора, можно бы сказать: “Эта идея недостаточно безумна, чтобы быть интересной”»¹⁴.

М. Эпштейн обращает внимание на то, что категория «интересного» лишь недавно привлекла философов, прежде всего, постмодернистов, что, конечно, не случайно: «Жиль Делёз и Феликс Гваттари резко противопоставляют “интересное” знанию и истине как устаревшим эпистемам»¹⁵. Примечательно, что

¹² Там же, с. 487.

¹³ См. сноску 8.

¹⁴ Эпштейн, с. 489.

¹⁵ Там же, с. 490. «Философия состоит не в знании

имя А. Пятигорского не упоминается Эпштейном среди философов, концептуализировавших «интересное» как современный критерий оценки любой формы коммуникации или дискурса.

В разговоре категория «интересного» применима в первую очередь к собеседникам. Едва ли неинтересный человек может сказать что-то интересное, потому что интересно не столько содержание высказываний, сколько образ мысли вступивших в разговор интеллектуалов. В науке есть критерий правильности высказываний, в философии, вслед за Ричардом Фейнманом, А. Пятигорский признает только один критерий – чтобы было интересно¹⁶, а интересное рожда-

ется в разговоре с самыми неожиданными людьми.

В стенограммах публичных лекций Пятигорского обычно подчеркивается, что он представляет недогматическую философию. Самым ярким, пожалуй, представителем таковой в России был Лев Шестов, изложивший свои неструктурированные в научном смысле размышления в работе «Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления» (1905г.). Его можно было бы считать (с большими, конечно, оговорками) родоначальником той философской традиции в которую вписывается опыт философствования А. Пятигорского. Сближает этих философов и интерес к художественной литературе, в которой оба они – Шестов больше, Пятигорский меньше – находили благодатную почву для *отрефлексирования* своих мыслей.

А. Пятигорский не устал повторять в своих интервью, что философ может направлять свое мышление на любой объект, но все же вносил поправку в это заявление: он называл **регрессией мышления** философствование о таких объектах, в которых не содержится философский смысл. Литература для него, как и для его соратника М. Мамардашвили, была исключительным объектом, служившим источником как отрефлексированных, так и неотрефлексированных содержаний. Об этом свидетельствует лекция, прочитанная Пятигорским в 1975 г. русистам из Кембриджа,

---

и вдохновляется не истиной, а такими категориями, как Интересное, Примечательное или Значительное, которыми и определяется удача или неудача. <...> Одни только профессора могут, да и то не всегда, писать на полях “неверно”, у читателей же скорее вызывает сомнение значительность и интересность, то есть новизна того, что им предлагается читать. <...> Даже отгалкивающий концепт обязан быть интересным. Когда Ницше создал концепт “нечистой совести”, он мог усматривать в этом самую отвратительную вещь на свете и тем не менее восклицал: вот тут-то человек становится интересен! <...> ... Мысль как таковая производит нечто интересное, стоит ей получить доступ к бесконечному движению, освобождающему ее от истины как предполагаемой парадигмы, и вновь обрести имманентную творческую потенцию». – Ж. Делёз, Ф. Гваттари, *Что такое философия?* – Цит. по: Эпштейн, с. 490.

¹⁶ Ср. с высказыванием А. Пятигорского в одной из бесед: «– *Что для философа критерий правильности? Как он понимает, что он на верном пути?* – Я могу сказать для себя, а не для философа. Я не имею дела ни с человеком вообще (тоже вранье – нет никакого человека), ни с философом вообще... Для меня есть один (то есть первый) критерий правильности, который был сформулирован вовсе не мной, а одним из немногих после Эйнштейна великих физиков прошедшего XX века – Ричардом Фейнманом. Он говорил: первое, самое главное – чтобы было интересно. А дальше – нужно, не нужно, там, Нобелевская эта воночая или не Нобелевская... Чтобы было интересно». – «Александр Пятигорский: “Ценность

философии в том, что она никому не нужна”. Беседа с О. Орловой и М. Воловичем», <http://elementy.ru/lib/430491>

«Пастернак и доктор Живаго. Субъективное изложение философии доктора Живаго». В этой лекции философ излагает философию героя романа Юрия Андреевича Живаго. Концепция Пятигорского интересна тем, что он считает героя романа Б. Пастернака совершенно непохожим на самого Пастернака. Это идет вразрез с тем, как литературоведы рассматривают роман, видя обычно в Живаго alter ego писателя. Ключевым концептом в философии Пятигорского является *наблюдатель* – главный «герой» его чрезвычайно сложной для понимания книги «Мышление и наблюдение» (2002), состоящей из публичных лекций философа, посвященных обсервационной философии. Однако *фигура наблюдателя* преследовала мыслителя задолго до написания книги, а доктор Живаго оказался тем персонажем, который идеально воплотил эту фигуру. Не случайно, начиная рассуждения об этом герое, Пятигорский как бы невзначай вспоминает своего любимого Учителя Георгия Ивановича Гурджиева, философа-номада, приехавшего в Москву из провинции, а затем незаметно уехавшего на Юго-Восток, а позже – на Запад. Философ усматривает сходство реального человека, своего учителя (с которым он, правда, никогда не встречался), с персонажем из романа Пастернака. Роднит их, по мнению философа, одна черта – они были *чужими* в любой среде, в любом месте, где бы они не появлялись: «Я вспоминаю о Гурджиеве не случайно, ибо он был для России «чужой» мистик, такой же чужой, каким стал в конце десятых Живаго. Это в России редкий случай. Чужой – значит,

наблюдающий. Русская среда не любит наблюдения. Она любит участвующих и причастных»¹⁷. Это чрезвычайно важная мысль для понимания того, куда уводит разговор. Выше я упоминала бахтинское «участное мышление», необходимое для рефлексирования мысли, чтобы разговор состоялся. Здесь мы видим, что Пятигорский иронизирует над тем, что являлось условием «успешного» разговора. Ирония здесь не спонтанна – речь идет о совершенно другой ситуации, других обстоятельствах. Пятигорский находит в докторе Живаго ту фигуру, которая позволяет ему смоделировать ситуацию **прекращения разговора**. Любимый философом роман и его не менее любимый герой ведут мыслителя к логической идее прекращения того, чего, как мы помним, больше всего боялся американский философ Роберт Брандом и сам Пятигорский, коль эта мысль так глубоко запала ему в душу. Что же получается с траекторией мысли философа? А получается то, что необходимо усвоить филологу как четвертый по счету завет философа. **Мысль извилиста, нелинейна, она прерывается, восстанавливается, концы ее то сходятся, то расходятся**. В семидесятые годы прошлого века А. Пятигорский уже рефлексировал по поводу наблюдателя и даже *увидел* (вспомним острашение) его в лице Живаго. Параллельно он размышлял о наблюдении над собственным мышлением (авторефлексия), создавая обсервационную философию,

¹⁷ А. Пятигорский, «Пастернак и доктор Живаго. Субъективное изложение философии доктора Живаго», *А. Пятигорский, Непрерываемый разговор*, с. 383.

и о отрефлексированности vs регрессии мышления, которое, как в положительном (рефлексия), так и в отрицательном (регрессия) своем модусе, может быть реализовано только в жанре разговора. При этом спонтанно или осознанно в публичных лекциях и интервью, а также на страницах книг (прежде всего в «Философии одного переуллка», «Мышлении и наблюдении», «Непрекращаемом разговоре») настойчиво подчеркивается, что единственным критерием качества разговора является *интересное*. А что может быть интереснее хорошего романа? Пятигорский обращается сначала к роману Пастернака, чтобы завести о его герое интересный разговор, а через 13 лет выпускает первый свой роман.

Последний текст А. Пятигорского носит очень симптоматичное название – «О внешнем наблюдателе: предел разговора, авторефлексия, переход к внешнему наблюдателю»¹⁸. Симптоматичное в том смысле, что философ за две недели до смерти успевает додумать, зафиксировать на бумаге (чего он не любил, потому что был человеком говорящим, вернее, мыслящим вслух – публично) и даже отправить в печать (а это философ ненавидел, наверное, потому, что напечатанный текст становился чужим, не своим) текст о том, как прекращается разговор, какие тексты культуры вписываются в эту парадигму и зачем появляется наблюдатель. Уникальность мыслительного опыта философа заключается в том, что ему **хватило жизни**, чтобы отрефлексировать главное – что

есть разговор – до логического его прекращения, но не завершения. Разговор потому и главное для мыслителя, что он не имеет начала и не завершается по чьей-то воле. Он может только прекратиться, когда из него уходит субъективность, т. е. сознание мыслящего. Логическим пределом разговора является смерть мыслителя. Пятигорский любил риторическую фигуру «объективного идиота» (термин его Учителя Гурджиева). Что значит быть «объективным идиотом»? А это именно и значит *быть*, но не в самосознании, не изнутри (кто же сам себя всерьез может считать объективным идиотом?), а с точки зрения *внешнего наблюдателя*, мышления, наблюдающего за своим мышлением или чужим ходом мысли. Так вот, «объективный идиот» – это человек, который не думает, а живет. Он регрессивен, потому что, проживая жизнь «как она есть», он производит только психическую, но не сознательную мыслительную рефлексию. Пятигорский радикален в отношении жизни, как радикальны и герои его текстов самосознания – или ты живешь, или ты мыслишь. Иного выбора нет. Мыслитель, окунувшийся в жизнь, в ней и утопает, как это случилось с Живаго, когда он связал свою жизнь сначала с Ларисой, потом с Мариной, когда оказался в партизанском отряде и вынужден был стрелять в человека. Чтобы не выстрелить, надо всю жизнь сидеть и думать. Такова логика философа. А если думаешь, то к концу жизни (хотя ты можешь и не знать, что это конец), додумаешь важное до логического предела думания. Этим пределом для философа и было прекращение

¹⁸ *Неприкосновенный запас*, 2010, № 1 (69). См. также: <http://alfa.psyhonetika.org/blog/odisea/10-03-10--771>

разговора. Дожить и додумать – вещи диаметрально противоположные, как в случае с Гамлетом, о котором философ думал за две недели до смерти. Дожить или додумать вот «быть или не быть» Александра Пятигорского. Если (когда) дорефлектируешь (додумаешь) мысль до логического предела, доживать не придется, жизнь прекратится. Если хочешь дожить жизнь «как она есть», ничего в этой жизни не поймешь – родился «объективным идиотом», таким и умрешь. Для Пятигорского эти смыслы крайне важны, поэтому они пронизывают все его рефлексии, в том числе и рефлексии по поводу двух интереснейших в этом отношении романов XX в. – «Доктора Живаго» Б. Пастернака и «Мастера и Маргариты» М. Булгакова. Живаго, с точки зрения Пятигорского, перестал жить и интересоваться жизнью после того как понял, что в **такой** жизни смысла нет, и, глядя на своих друзей, «живущих жизнью», Дудорова и Гордона, «он видел в них будущих булгаковских персонажей (т. е. «объективных идиотов». – *Р.Ч.*), зная, что *от кого ушла истина смерти, тот будет обречен на выживание и станет добычей страха смерти*»¹⁹. Поэтому Живаго и становится *чужим, наблюдателем*, не принимающим участия в идиотизме жизни. Можно ли здесь провести параллель между персонажем романа Пастернака и реальным человеком – А. Пятигорским, предпочитавшим наблюдение участию? С точки зрения

¹⁹ А. Пятигорский, «Пастернак и доктор Живаго. Субъективное изложение философии доктора Живаго», *А. Пятигорский, Непрерываемый разговор*, с. 400.

смысла, – да, так как Живаго и Булгаков (а не Пастернак и Булгаков) были для философа теми структурами смысла, которые нашли место в его сознании и стали частью его авторефлексии.

Так когда же, наконец, прекращается разговор? Тогда, когда наступает пора разобраться в себе, а для этого необходима авторефлексия, которая, «строго говоря, – *это о себе самом как о мыслящем, а не о мыслящем как о себе самом*». Она наступает в **данный момент**, а «данный момент» – это метафора *эпистемологического разрыва*. Для того чтобы додумать мысль до логического ее предела, необходимо обратиться к себе и выйти из разговора, а чтобы думать о себе как думающем, необходим внешний наблюдатель, который «не мыслит, ибо мышление может наблюдаться только *извне* мышления». Перед смертью люди часто думают о Боге, о спасении своей души, мыслитель же наблюдает за тем, как он думает о смерти, так как спасение его души числится по ведомству другого Наблюдателя. И последний завет философа филологу – **пусть о вечном говорят тексты, мы же с вами должны отрефлексировать смыслы, содержащиеся в них, не sub specie aeternitatis, а в данный момент, здесь и сейчас, потому что другого момента не будет**. Художественное произведение можно (и нужно) наблюдать *извне*, со стороны, как *чужое* место, где случилось или не случилось мышление. Но иногда случается так (если рефлексия является делом жизни), что *чужое* становится своим, т.е. *своим другого*²⁰,

²⁰ См. критику регрессивного мышления о «дру-

переставшего быть чужим, и ты вступаешь в разговор с умершим, потому что в авторефлексии, пока она не прекратилась, смерти нет. Но нет и ответной реплики. Похоже, что М. Цветаевой, не любившей себя в жизни «как она есть», тоже удалось отрефлексировать мысль о смерти до ее логического предела: «Жизнь и смерть давно беру в кавычки, / Как заведомо-пустые сплётывы», или: «Райнер, радуешься новым рифмам? / Ибо правильно толкуя слово / Риф-

ма – что – как не – целый ряд новых / Рифм? – Смерть? / Некуда: язык изучен. / Целый ряд значений и созвучий / Новых»²¹. Для философа смерть – это прекращение авторефлексии, для поэта – исчезновение звука новой рифмы, созвучия, для филолога (литературоведа, прежде всего) – отказ от вступления в разговор с философом. Настоящим. Уникальным. **Не человеком, а местом, где случилось мышление.**

гом): А. Пятигорский, «“Другой” и “свое” как понятия литературной философии», *А. Пятигорский, Непрерываемый разговор*, с. 404–411.

---

²¹ М. Цветаева, «Новогоднее», *Р. М. Рильке, Б. Пастернак, М. Цветаева, Письма 1926 года*, Москва: «Книга», 1996, с. 221, 225.

POKALBIS, KAI NĖRA DIALOGO: ALEKSANDRAS PIATIGORSKIS

Regina Čičinskaitė

S a n t r a u k a

Straipsnyje nagrinėjamas mąstytojo, filosofo, rašytojo, grožinės literatūros kūrinių interpretuotojo Aleksandro Piatigorskio postulatą, kurį jis nuolat kartoją paskutiniaisiais savo gyvenimo metais: „Svarbiausia – pokalbis“. Autorė aiškina, kodėl filosofas su tokiu patosu neigia terminą „dialogas“ produktyvumą humanitarų tekstuose bei diskusijose; kodėl jis priešina pokalbį dialogui ir laiko jį svarbiausiu intersubjektyvios ir intrasubjektyvios komunikacijos žanru. A. Piatigorskio „pokalbis“ traktuojamas retoriniu aspektu kaip žanras, kuriame skleidžiasi mąstymo „čia ir dabar“ subjektyvė. Žmogus, anot filosofo, tėra „vieta, „iš kurios mąstoma arba nemąstoma“. Nemąstantiesiems filosofas (kaip ir jo Mokytojas G. Gurdžijevas) taiko terminą „objektyvūs idiotai“, o patį nemąstymą, kurį laiko tiesiog „gyvenimu“, vadina regresija. A. Piatigorskis mano, jog mąstymas – tai rizika, kai nėra patogių žinojimo atramų, jis yra atsakingas ir subjektyvus. Tikrasis mąstymas skleidžiasi

pokalbyje, o ne dialoge, nes pastarajame susitariama dėl susikalbėjimo prielaidų ir stengiamasi remtis „bendrosiomis vietomis“, retoriniais topais. Vienintelis sėkmingo pokalbio kriterijus – įdomumas. Tai kategorija, kuri itin svarbi filosofams postmodernistams, tačiau analitikai neatkreipia dėmesio į tai, kodėl tai svarbu A. Piatigorskiiui. Straipsnyje akcentuojama labai įdomi aplinkybė: A. Piatigorskiiui užteko gyvenimo, kurį jis priešino mąstymui, išnarplioti pokalbiui iki galo, iki jo nutraukimo, bet ne baigties. Visai prieš pat mirtį filosofas parašė straipsnį, kuriame aiškina, kada ir kodėl nutrūksta pokalbis – tai, ko labiausiai bijojo jis pats ir pirmas apie tai prabilęs filosofas R. Brandomas. O nutrūksta pokalbis tuomet, kai ateina laikas savirefleksijai, kurioje negali dalyvauti niekas kitas, išskyrus *stebėtoją*. Išanalizavusi svarbiausius A. Piatigorskio konceptus, straipsnio autorė suformulavo priesakus, kuriuos paliko filosofas ir kurių nederėtų nepaisyti filologams.

Получено: 2010, сентябрь

Принято: 2010, октябрь

Адрес автора:
Vilniaus universitetas
Rusų filologijos katedra
Universiteto g. 5
LT-01513 Vilnius Lietuva
E-mail: regiroma@iti.lt